

Шэнь Нянь переступил порог северного флигеля. Внутри хаос казался ещё страшнее, чем во дворе: растрескавшийся экран телевизора, сломанная ножка журнального столика, сдвинутый диван и глубокие трещины, расплзшиеся по напольной плитке.

Видеть подобное разорение Шэнь Няню было не вмоготу — рука сама тянулась навести порядок. Но он не знал, затих ли Гу Чжи или его ждёт новый приступ безумия, поэтому заставил себя сдержаться. К счастью, его комната находилась в самом углу, и буйство Гу Чжи её не затронуло. Она осталась цела.

Во дворе стояла звенящая тишина.

Сидя за письменным столом, Шэнь Нянь не слышал ни звука. Похоже, погрому пришёл конец.

Но Шэнь Нянь даже не шелохнулся. В этом безумии Гу Чжи он разглядел холодную непреклонность Шэнь Чуншаня: тот не смягчился и не передумал даже перед лицом такого буйства. А значит, едва ли изменит решение и впредь — иначе в чём смысл этой истерики?

Если всё так, забота о Гу Чжи неизбежно ляжет на плечи Шэнь Няня. Вот только сам он этого категорически не хотел.

Но что сказать, если Шэнь Чуншань станет настаивать?

Дверь отворилась. Шэнь Нянь оторвался от мыслей и обернулся, ожидая увидеть отца, но на пороге стоял Гу Чжи с покрасневшими глазами. Шэнь Нянь обомлел. Подумав, что тот решил уничтожить последний уцелевший уголок, он собрался было выйти — помешать Гу Чжи он всё равно не мог. Однако парень даже не взглянул на него и молча забрался под кровать.

Совсем как тогда, во время грозы.

Угол в этой комнате оставался его последним убежищем.

Хоть Шэнь Нянь и удивился, мешать он не стал. Забившийся под кровать Гу Чжи был куда безобиднее бесновавшегося. Оставив комнату в его распоряжении, Шэнь Нянь тихо вышел и прикрыл за собой дверь.

Шэнь Чуншань сидел на ступенях у входа в кухню, уткнувшись лицом в согнутые локти. Похоже, он надеялся, что, спрятав голову в песок, сможет сбежать от реальности.

Столкнувшись с проблемой, которую невозможно решить, человек инстинктивно пытается уйти от неё, мечтая лишь о том, чтобы всё произошедшее оказалось сном.

Вот только случившегося не воротишь. Никому не под силу повернуть время вспять и

предотвратить ту роковую автокатастрофу, а значит, бегство бесполезно.

Эту истину понимал даже пятнадцатилетний Шэнь Нянь.

Постояв у входа во флигель, Шэнь Нянь дождался, пока зеваки на крышах соседних домов, поняв, что продолжения спектакля не будет, разойдутся от скуки. Лишь тогда он взял аптечку, чудесным образом уцелевшую в буре, подошёл к отцу и присел рядом.

— Папа, — Шэнь Нянь открыл аптечку и достал дезинфицирующие средства. — Тебе нужно обработать руки.

Шэнь Чуншань даже не шелохнулся. Пождав около минуты и не дождавшись ответа, Шэнь Нянь сам потянулся к его раненой кисти. Только тогда отец опомнился и уставился на сына затуманенным взглядом, наблюдая, как тот сноровисто промывает и обрабатывает раны.

И вдруг до Шэнь Чуншаня дошло: для пятнадцатилетнего подростка эти движения выглядят слишком привычными, наработанными.

— Откуда ты всё это умеешь?

Шэнь Нянь проигнорировал вопрос.

— Если ты согласен, я могу перехватить эту сумму, — тихо произнёс он. — Тебе вовсе не обязательно идти на такие крайности.

Голос его звучал едва слышно, но в застывшей тишине двора каждое слово отдавалось отчётливо. Шэнь Чуншань не ответил сразу. Во время затянувшейся паузы Шэнь Няня жгла мучительная неопределённость: он и сам не знал, чего ждёт больше — согласия отца или отказа.

Согласится — и Шэнь Нянь взвалит на себя долг. Пусть отдавать его в основном придётся Чуншаню, перед Лян Цю он окажется в таком неоплатном должнике, что вовек не расплатится. Хотя Лян Цю ничего от него и не требовал.

Откажется — и Шэнь Няню, возможно, придётся всю жизнь тащить на себе Гу Чжи.

Оба варианта были неподъёмным бременем. Шэнь Нянь не хотел выбирать ни один, но выбора его лишили.

Лишь когда Шэнь Нянь закончил накладывать повязку, Шэнь Чуншань очнулся. Посмотрев на разгромленный двор, он перевёл взгляд на сына и слабо улыбнулся:

— Ты ведь ещё совсем ребёнок. Понимаешь ли ты, насколько это огромные деньги? Не лезь в это, тебя это не касается.

Шэнь Нянь хотел возразить, что ещё как касается — ведь отец собирался повесить на него Гу Чжи. Но не успел он вымолвить и слова, как Шэнь Чуншань продолжил:

— Твой отец хоть и не заработал палат золотых за эти годы, но хорошими друзьями обзавёлся. Если уж так прижмёт, я и сам за день нужную сумму соберу. Не нужно тебе этим заниматься.

Этим словам Шэнь Нянь верил.

— Тогда почему ты просто не займёшь у них? — спросил Шэнь Нянь.

«Ты ведь так бережёшь Гу Чжи, пылинки с него сдуваешь, не даёшь в обиду... Почему же вдруг стал так свереп и заставляешь его проходить через всё это?» — Шэнь Нянь искренне не понимал.

Однако отец ничего не объяснил, лишь горько усмехнулся.

Обычно Шэнь Нянь не стал бы допытываться, если отец молчал, но в этот раз он намеревался докопаться до истины. Только устранив причину, он мог избавиться от обязанности ухаживать за Гу Чжи.

— Сяо Нянь, — перебил его Шэнь Чуншань, не дав вставить и слова. — Ты... ты ведь не хочешь заботиться о Гу Чжи?

Шэнь Нянь посмотрел ему прямо в глаза и без колебаний ответил:

— Да. Я не хочу.

По-хорошему, Шэнь Нянь впервые прямо заявил об этом. Что бы ни происходило раньше, Шэнь Чуншань не должен был проигнорировать его слова. После того как сын явно дал понять, что больше ни на что не надеется, отец обязан был хоть как-то считаться с его мнением.

Но Шэнь Чуншань лишь посмотрел на него несколько секунд, и сомнение в его глазах быстро сменилось холодной решимостью.

— Ты просто не хочешь, но бросать его не станешь, верно? — спросил Шэнь Чуншань, словно зацепившись за точную формулировку.

Шэнь Нянь от изумления едва не лишился дара речи.

Раньше в подобные моменты отец отводил взгляд. В глубине души он чувствовал вину перед Шэнь Нянем, понимал, что перекладывает на него чужую ношу, и оттого выглядел неуверенно. Но сейчас взгляд Шэнь Чуншаня оставался абсолютно спокойным, без тени стыда или сочувствия.

Шэнь Нянь не знал, идиотская ли это отчаянная ставка или же, сбросив маску родства, отец просто перестал притворяться.

— Я знаю, вы не ладите, — мягко проговорил Шэнь Чуншань. — Знаю, что Сяо Чжи не рад твоему присутствию. Но если меня не станет, вы останетесь вдвоём. Разве со временем всё не наладится? — Он слабо улыбнулся. — Сяо Чжи вспыльчив, но он хороший мальчик. Если уж он к кому привяжется, то отдаст всего себя. Будешь заботиться о нём — и он поймёт, какой ты хороший. Впредь тоже станет относиться к тебе с душой.

Для Шэнь Чуншаня вопрос казался решённым. И хотя сын прямо сказал «не хочу», отец был твёрдо уверен, что тот смирится.

А его опасения отца несколько не волновали.

— Папа, я...

— Считай, что я прошу тебя. Пожалуйста, — произнёс Шэнь Чуншань.

Одно-единственное слово «пожалуйста» заставило Шэнь Няня проглотить готовое «я не согласен».

Именно в эту секунду он осознал, почему Лян Цю предлагал выкупить его свободу за двести восемьдесят тысяч. Шэнь Нянь не был родным сыном, но Шэнь Чуншань растил его пятнадцать лет. Шэнь Нянь подсознательно чувствовал себя обязанным. И когда отец произнёс это умоляющее «пожалуйста», Шэнь Нянь понял, что у него нет даже права на отказ.

Шэнь Чуншань, прекрасно зная силу этого слова, даже не стал ждать ответа или смотреть на реакцию сына. Он поднялся и принялся молча наводить порядок во дворе, будто ничего не произошло.

Шэнь Нянь остался сидеть на месте, глядя на отца. До него вдруг дошло: Шэнь Чуншань прекрасно его знает.

Он бил без промаха, в самое уязвимое место, лишая возможности дать отпор.

Но разве это не делало всё ещё более печальным? Он всегда понимал сына, знал, чего тот жаждет, но за все эти годы так и не дал ему желаемого.

Шэнь Няню следовало бы помочь убрать последствия разгрома. Он привык во всём помогать отцу и делать всё по дому. Но сегодня на него накатила такая свинцовая усталость, что он так и остался сидеть на ступенях кухни, наблюдая, как Шэнь Чуншань постепенно приводит двор в порядок, а затем уходит во флигель.

Бытовая техника в доме почти вся превратилась в хлам. Отцу стало жалко кондиционер, и он осторожно демонтировал его, надеясь отнести в ремонт. Все эти действия он выполнял спокойно, без раздражения или злобы — словно выходка Гу Чжи была закономерной, а сам он давно готовился к подобному исходу.

Лишь когда тело затекло до немоты, Шэнь Нянь поднялся и поплёлся в дом. У входа во флигель выросла целая гора мусора — всё то, что ещё утренним днём исправно служило. Обойдя эту кучу, Шэнь Нянь опустился на диван в гостиной.

Вряд ли хоть у кого-то из выпускников средних классов возвращение с экзаменов сопровождалось подобным «торжественным приёмом».

Что ж. Отлично.

Зато оригинально.

Ужинать никто не стал, да и готовить было некому. Шэнь Чуншань ушёл к себе, Шэнь Нянь остался в гостиной, а Гу Чжи так и не вышел из комнаты Шэнь Няня.

Шэнь Няню было плевать на его чувства и мысли — он и со своими-то разгрести не мог. Но, судя по тому, что он знал о Гу Чжи, тот долго не просидит тихо. Он не умел мириться с обстоятельствами. Покорно принять реальность было абсолютно не в его характере.

Впрочем, Шэнь Нянь никогда по-настоящему не понимал Гу Чжи. Не понял и на этот раз.

Он ждал новых вспышек гнева и истерик, но Гу Чжи неожиданно затих. На следующее утро он вышел из комнаты Шэнь Няня и молча вернулся к себе. Всем своим видом он транслировал: «Я в бешенстве», «Не лезь ко мне», — но никаких активных действий не предпринимал.

Когда Шэнь Чуншань позвал всех к столу, Гу Чжи даже пришёл. Он молчал и больше не пытался задевать Шэнь Няня исподтишка.

Казалось, его шипы сгладились за одну ночь. Но Шэнь Няню эта тишина перед бурей казалась лишь ещё более жуткой: никогда не знаешь, когда и где рванёт в следующий раз.

— Сяо Чжи, — заговорил за завтраком Шэнь Чуншань. — Впредь дома останетесь только ты и Сяо Нянь. Будь послушным, понял?

Гу Чжи никак не отреагировал, будто не слышал. Шэнь Нянь насупился, но не успел ничего сказать, как отец повернулся к нему:

— Сяо Нянь, ты тоже. Вдвоём дома всё же лучше, чем одному. Если младший брат капризничает — учи его, но вы должны помогать друг другу и полагаться друг на друга. Я уеду, и у вас останетесь только вы сами.

Шэнь Нянь почувствовал в этих словах какой-то нехороший подтекст, но допросить отца не успел. Допив отвар, тот поднялся из-за стола:

— Я сегодня договорился посмотреть машину. Пойду.

Шэнь Чуншань ушёл. В тесной кухне, совмещённой со столовой, они остались вдвоём. У Шэнь Няня и так не было аппетита, а теперь и вовсе кусок в горло не лез. Он отложил палочки. При этом звуке Гу Чжи на мгновение замер, но тут же продолжил есть. Шэнь Нянь заметил это, но значения не придавал. Когда он уже собрался уйти, Гу Чжи, молчавший с самого вчерашнего скандала, вдруг подал голос:

— Не думай, что я стану его слушать. И твоя забота мне не нужна.

Шэнь Нянь стоял к нему спиной и не видел его лица — да и не хотел видеть. Но упрямая, вызывающая интонация осталась прежней.

— Я и не собирался, — ответил Шэнь Нянь.

Если обе стороны согласны и цена устраивает, сделку по продаже машины можно закрыть за день. Когда Шэнь Чуншань вернулся и сообщил, что грузовичок продан, а компенсацию пострадавшей стороне выплатят через пару дней, ни Шэнь Нянь, ни Гу Чжи ничего не ответили. Радости не испытывал никто.

Шэнь Чуншань будто понимал их состояние. Постояв с горькой ухмылкой в гостиной, он забрал разбитый кондиционер и снова ушёл.

Вскоре кондиционер починили и водрузили на прежнее место. Вот только гудения внешнего блока Шэнь Нянь больше не слышал — Гу Чжи им так и не воспользовался.

Шэнь Нянь не знал, что у того на уме, но интуиция подсказывала: эта тишина обманчива.

Однако в последующие дни Гу Чжи ничего не предпринимал. Он тихо сидел дома, превратившись в невидимку — совсем как Шэнь Нянь в прошлые годы. В какие-то моменты Шэнь Няню даже казалось, что он видит в Гу Чжи собственное отражение, но он тут же отгонял эти мысли.

Он сам покорился судьбе. А Гу Чжи... Гу Чжи что-то замышлял.

Хотя Шэнь Нянь понятия не имел, что именно.

Молчание Гу Чжи и осязаемое затишье не изменили решения Шэнь Чуншаня. Он словно куда-то спешил: спешил выплатить долг, спешил начать зарабатывать, спешил уехать. С момента принятия решения не прошло и двух недель. Результаты экзаменов за среднюю школу ещё даже не объявили, когда отец огорошил их за ужином:

— Я уезжаю завтра.

Шэнь Нянь ещё с момента, когда отец принёс кучу готовой еды из кулинарии, понял, что предстоит важный разговор. Подобное известие не стало сюрпризом. Он невольно взглянул на Гу Чжи, но тот остался абсолютно бесстрастным. Эти слова даже не заставили его моргнуть — он продолжал ковыряться в тарелке, словно глухой.

— Не знаю, успею ли вернуться к началу учебного года, — с натянутой улыбкой произнёс Шэнь Чуншань. — Но деньги на учёбу я приготовил.

С этими словами он достал из кармана две банковские карты, сверяясь с подписями на обороте, и положил по одной перед каждым:

— Тут и на жизнь, и на обучение. Пин-код — шесть шестёрок. Как пойдёт дело к школе, снимите и оплатите.

Все эти годы Шэнь Чуншань оплачивал расходы Шэнь Няня. Раньше тот думал, что так и должно быть, ведь это родной отец. Позже решил, что, несмотря ни на что, обязан считать его отцом и в будущем вернёт всё с лихвой. Но сейчас, глядя на пластиковую карточку, он чувствовал, как она жжёт пальцы.

Это была вынужденная, беспомощная капитуляция.

Ему нужно учиться, нужно вырваться отсюда. Не возьмёт деньги — останется здесь навсегда.

Другого пути не было.

Шэнь Нянь не мог смириться с мыслью, что застрянет в этом прозябании на всю жизнь. Пришлось принять.

Он взял карту и тихо проговорил:

— Спасибо, папа.

Шэнь Чуншань лишь улыбнулся и перевёл взгляд на Гу Чжи. Тот тоже забрал свою карту, но доедать не стал — поднялся и ушёл во флигель. Шэнь Чуншань провожал его силуэт взглядом через окно, пока тот не скрылся в темноте, а затем повернулся к Шэнь Няню.

— Сяо Нянь, — проговорил отец умоляющим тоном. Он прекрасно знал, в какой форме Шэнь Няню труднее всего отказать. — Пока меня не будет дома, поручаю Сяо Чжи тебе. Ты старше на два года, к тому же разумный. С тобой я спокоен.

Пальцы Шэнь Няня, сжимавшие палочки, побелели от напряжения. Но в самый последний момент он так и не произнёс «нет».

Впрочем, и «хорошо» он тоже не сказал.

Он просто промолчал до самого конца ужина.

Шэнь Нянь и не подозревал, что простой приём пищи может даваться с таким трудом.

И он всё ещё не понимал, что задумал Гу Чжи, раз даже перед отъездом отца тот так и не взорвался.

Лишь сейчас Шэнь Нянь осознал, что в глубине души ждал от него взрыва. Ещё один приступ безумия дал бы хоть какой-то шанс. Сам Шэнь Нянь устроить скандал не мог, но надеялся, что этот шанс создаст Гу Чжи.

Но Гу Чжи этого не сделал. Почему?

Этот вопрос не давал Шэнь Няню покоя перед сном. В голову лезли самые дикие мысли: а вдруг Гу Чжи решил отыгаться на нём после отъезда отца? Тот не смог удержать Шэнь Чуншаня причинением вреда самому себе, так, может, решит навредить Шэнь Няню? Вдруг это сработает?

Но уже через секунду Шэнь Нянь мысленно горько усмехнулся. Гу Чжи лучше всех знал, насколько Шэнь Нянь безразличен отцу. Насколько нужно быть ненормальным, чтобы пытаться добиться своего таким способом?

К тому же за эти дни Гу Чжи на него даже не взглянул. На тщательно продуманную месть это не походило.

Шэнь Нянь прокрутился всю ночь. Едва рассвело — часы показывали чуть больше пяти утра, — во дворе послышались шаги. Поколебавшись пару секунд, Шэнь Нянь поднялся. В гостиной

стоял уже одетый Шэнь Чуншань с чемоданом у ног. Он неуверенно замер перед дверью Гу Чжи.

Услышав движение, отец обернулся:

— Разбудил?

Шэнь Нянь посмотрел на него:

— Вряд ли он выйдет.

Шэнь Чуншань кивнул и печально улыбнулся:

— Ну тогда не буду его тревожить. Я пошёл. Береги себя. И за братом присмотри.

С этими словами он без тени сожаления вышел из флигеля, а затем и со двора.

Шэнь Нянь услышал, как скрипнула и захлопнулась калитка. Он долго стоял на месте, ошеломлённый. Он искренне не понимал, как отношения, казавшиеся прочнее кровных уз, дошли до того, что люди расстаются, даже не попрощавшись.

Он-то думал, их идиллия продлится очень долго.

По крайней мере, не закончится так быстро.

После ухода отца Шэнь Нянь вернулся в комнату. Навалилась бессонная ночь, и он провалился в чуткий сон. Проснулся лишь ближе к полудню. Во дворе стояла тишина — та самая глубокая тишина, что окружала его здесь всегда, когда он спал или бодрствовал.

На миг ему показалось, будто весь этот прошлый год был лишь затянувшимся сном. Но наваждение рассеялось, уступив место чёткому осознанию: в соседней комнате всё ещё находится Гу Чжи.

Гу Чжи, о котором он понятия не имел, как заботиться, но, похоже, был обязан это делать.

Немного полежав, Шэнь Нянь встал.

Наступил июль, зной набирал силу. Судя по времени, Лян Цю уже должен был вернуться из Шанхая, куда ездил к отцу после экзаменов. Возможно, стоило ему позвонить.

Размышляя об этом, Шэнь Нянь вышел в гостиную. Проходя мимо комнаты Гу Чжи, он заметил, что дверь приоткрыта. Гу Чжи стоял спиной к выходу и не шевелился. Шэнь Нянь не понял, чем тот занят. Почувствовав движение, Гу Чжи слегка повернул голову, мельком глянул на Шэнь Няня и снова замер в прежней позе.

Шэнь Нянь помедлил пару секунд, собираясь что-то сказать, но не успел: во двор въехал велосипед Лян Цю. Увидев Шэнь Няня, тот просиял:

— Сяо Нянь!

Шэнь Нянь тоже улыбнулся. Забыв о Гу Чжи, он вышел из флигеля:

— Вернулся?

— Утром приехал, — Лян Цю оглядел двор, чувствуя, что что-то изменилось. Он знал о последних событиях в семье Шэнь и пришёл проведать друга. Опасаясь, что его услышит Шэнь Чуншань, он понизил голос: — А дядя Шэнь где?

— Ушёл по делам, — улыбнулся Шэнь Нянь.

Лян Цю облегчённо вздохнул:

— А этот мелкий извращенец тоже свалил?

Шэнь Нянь опешил, не успев ответить, а Лян Цю, не заметив его замешательства, продолжал:

— Раз дома никого нет, пошли ко мне поживёшь пару дней?

Эти слова попали в самое сердце.

После того как Шэнь Чуншань бросил всё и уехал, Шэнь Нянь чувствовал себя запертым в этом доме: учиться ещё не начали, идти некуда. Но сейчас Лян Цю давал ему шанс вырваться. Он мог уйти, забыть обо всём, сбежать — пусть всего на несколько дней, но этого хватило бы, чтобы перевести дыхание.

— Хорошо, — ответил Шэнь Нянь. — Я только вещи соберу.

— Ладно, жду.

Припарковав велосипед, Лян Цю прошёлся по двору и заглянул во флигель. Увидев застывшего в комнате Гу Чжи, он от неожиданности вздрогнул, тихо выругался и, проигнорировав парня,

направился к Шэнь Няню. Тот как раз пихал футболки в рюкзак. Лян Цю опёрся о край письменного стола:

— Этот мелкий извращенец что, не с дядей Шэнем ушёл?

Шэнь Нянь всё время ждал от Гу Чжи какого-то грандиозного выкидыша, но до сих пор не понимал, чего именно. Одно он знал точно: когда тот винтом закручивается в психозе, с ним не сладить. Поэтому Шэнь Нянь категорически не хотел его провоцировать — ни сам, ни руками Лян Цю. При бескомпромиссном характере Лян Цю их стычка с Гу Чжи могла закончиться чем угодно.

— По дороге расскажу, — тихо произнёс Шэнь Нянь.

Лян Цю удивился, но расспрашивать не стал: в отношениях с Шэнь Нянем он всегда уважал его границы.

Выходя из дома, они снова миновали комнату Гу Чжи. Тот так и стоял в прежней позе. Шэнь Нянь на мгновение замер, пытаясь разглядеть, куда тот смотрит, но ничего не понял. Тем не менее он бросил:

— Меня пару дней не будет.

Гу Чжи будто бы глухо отозвался, но даже не повернулся. Шэнь Нянь не стал настаивать и вышел вслед за другом.

По дороге к дому Лян Цю Шэнь Нянь всё не мог выбросить из головы образ застывшего Гу Чжи. Что он там высматривал? Что задумывал? Шэнь Нянь его не понимал. Но если Гу Чжи действительно ничего не предпримет, это станет самым нормальным его поступком за всё время. Вот только Гу Чжи и «нормальность» — понятия несовместимые.

Неужели он действительно тихо принял волю Шэнь Чуншаня?

Шэнь Няня терзала смутная тревога, хотя видимых причин для неё не было.

— Так что ты хотел сказать про дорогу? — отвлёк его голос Лян Цю.

Шэнь Нянь очнулся от размышлений и, глядя на проплывающие мимо деревья, произнёс:

— Папа снова уехал в рейсы. А Гу Чжи оставил дома. Теперь...

Договорить он не успел: Лян Цю резко ударил по тормозам. Не ожидавший остановки Шэнь

Нянь ткнулся носом в его спину. От боли из глаз мгновенно брызнули слёзы. Лян Цю соскочил с велосипеда, собираясь спросить «почему?», но, увидав покрасневшие глаза друга, замер.

Шэнь Нянь махнул рукой:

— Всё в порядке.

Лян Цю отвёл его руку от лица. Убедившись, что крови нет, он вернулся к теме:

— В рейсы? В смысле — уехал на полгода, как раньше?

Шэнь Нянь потёр нос и кивнул:

— Угу. Денег занимать не стал. Продал наш грузовичок, расплатился с семьёй той девушки и вернулся в прежнюю автоколонну.

— А мелкий извращенец? — перебил Лян Цю. — Просто спихнул его на тебя?

Шэнь Нянь промолчал, и Лян Цю всё понял без слов. Он горько усмехнулся:

— Ну твой папаша даёт! Оба сына неродные, так что, как бы он раньше ни носился с Гу Чжи, при первой же проблеме просто взял и выкинул. Вот скажи, он душевный человек или бессердечный? С одной стороны — добрая душа, забрал мальчишку из приюта. С другой — холоднее льда: бросил и родного сына, которого растил пятнадцать лет, и приёмного, ради которого готов был жилы рвать.

Шэнь Нянь и сам не мог постичь логику отца, поэтому молча сидел на багажнике. У Лян Цю кончились ругательства в адрес Шэнь Чуншаня, и, немного остыв, он посмотрел на друга. Увидев его отрешённый вид, он не удержался от улыбки: только перед ним Шэнь Нянь позволял себе быть таким беспомощным.

Лян Цю качнул велосипед. От вибрации Шэнь Нянь поднял взгляд.

— О чём задумался? — Лян Цю подмигнул.

Шэнь Нянь качнул головой. Лян Цю приставать не стал, но спросил про Гу Чжи:

— И как мелкий отреагировал на такой финт?

— А ты не заметил изменений у нас во дворе?

— Разнёс всё? — хохотнул Лян Цю. — В его стиле, ничего удивительного. Но ты реально собираешься за ним ухаживать?

— Я не смогу за ним ухаживать, — вздохнул Шэнь Нянь. — Да и не нужна ему моя забота.

— Вот и правильно, не бери в голову, — Лян Цю снова закинул ногу на педаль. — Ты с одиннадцати лет один хозяйничал. А этому малому уже тринадцать — с голоду не помрёт. Пойдёшь в общежитие при школе, а на него... да плевать.

Шэнь Нянь тихо отозвался, стараясь не думать об этом. Всё равно решения у него не было — слишком мал, чтобы что-то менять.

Но пока Шэнь Нянь уходил в себя, Лян Цю явно о чём-то напряжённо размышлял. Он сидел на велосипеде и не трогался с места.

— Ты чего? — тихо спросил Шэнь Нянь.

— Сяо Нянь... — Лян Цю не обернулся, уставившись вдаль. — Ты не думал о том, чтобы уехать учиться в другой город?

Шэнь Няню показалось, что он ослышался:

— А?

— Да забудь, — усмехнулся Лян Цю. — Потом поговорим. Поехали, сегодня накормлю тебя от пуза.

Лян Цю вёл себя странно — Шэнь Нянь почувствовал это сразу. Но расспрашивать не стал. Лян Цю не лез к нему в душу, потому что знал его характер; Шэнь Нянь не допытывался у Лян Цю просто потому, что не привык. Он с детства брал лишь то, что давали, и никогда ничего не просил сам — даже ответов.

Шэнь Нянь понимал, что от реальности не уйдёшь, но всё же пробыл у Лян Цю четыре дня. Тётушка Су всё ещё оставалась в Шанхае. В доме они жили вдвоём. Обоим предстояло поступить в старшую школу, летних заданий не было, так что они либо катались на велосипедах, либо Лян Цю заставлял Шэнь Няня играть с ним в баскетбол. О Гу Чжи Шэнь Нянь старался не вспоминать.

Лян Цю прав: сам Шэнь Нянь жил один с одиннадцати лет, а Гу Чжи уже тринадцать — не пропадёт.

Он почти убедил себя в этом и наслаждался передышкой, но пора было возвращаться.

Вернулась Су Сяосяо. Хотя она и встретила его очень тепло, Шэнь Нянь не мог долго оставаться в чужом доме: боялся стать обузой, боялся, что хозяева будут терпеть из вежливости, боялся показаться невоспитанным.

Лян Цю слишком хорошо знал друга. Поняв по его взгляду, о чём тот думает, он лишь вздохнул:

— Я провожу.

Шэнь Нянь вежливо попрощался с Су Сяосяо. Та вывела их на порог и обменялась с сыном выразительным взглядом. Шэнь Нянь заметил это и смущённо отвёл глаза: он боялся даже гадать, что означал этот знак. Лян Цю выглядел раздражённым, но кивнул матери и вышел вместе с другом.

Лян Цю хотел подвезти его на велосипеде, но Шэнь Нянь отказался:

— Я на автобусе доеду.

Лян Цю уловил перемену в его настроении. Вспомнив переглядки с матерью, он тяжело вздохнул:

— Не хотел говорить так рано, но, похоже, ты опять накрутил себя.

— Нет, что ты... — попытался возразить Шэнь Нянь, но Лян Цю привычно взлохматил ему волосы:

— Сыграем напоследок перед твоим отъездом?

Шэнь Нянь вдруг почувствовал тревогу — словно вот-вот потеряет что-то очень важное. Хотя, казалось бы, к потерям ему не привыкать, сердце сжалось от страха. Единственным настоящим другом в его жизни оставался Лян Цю.

На площадке Шэнь Нянь впервые выкладывался по полной. Лян Цю поначалу играл лениво, но, увидав азарт друга, тоже включился на полную мощность. В итоге оба, мокрые от пота, улеглись на пустующее покрытие площадки, тяжело дыша и глядя в синее небо.

— Ты чего сегодня как укушенный? — Лян Цю повернул голову. — Раньше тебя так побегать не заставишь.

Шэнь Нянь слабо улыбнулся:

— Показалось, что другого шанса может не быть. Если не сыграем как следует сейчас, буду жалеть.

Лян Цю замер и резко сел:

— Ты...

«Откуда в тебе эта чёртова проницательность?»

Уставший Шэнь Нянь остался лежать. Он посмотрел на друга и тихо спросил:

— Ты уезжаешь, да?

Лян Цю хотел соврать, но не смог — слова застряли в горле. Взгляд Шэнь Няня жёг сильнее солнца. Отведя глаза, Лян Цю досадно взъерошил волосы. Шэнь Нянь не торопил его. Ответ он уже знал, а причины... Причины были не так уж важны.

Честно говоря, Шэнь Нянь никогда не думал, что Лян Цю уедет. В его мечтах они вместе должны были учиться в старшей школе. Если бы Шэнь Нянь подрос, они даже сидели бы за одной партой. Ему было неважно, какой профиль выбрать — гуманитарный или технический: он пошёл бы за Лян Цю куда угодно. А потом вместе поступили бы в один университет.

Но Шэнь Нянь забыл, что у Лян Цю есть выбор. Он мог в любой момент уехать куда угодно и делать что захочет. А Шэнь Нянь застрял здесь до тех пор, пока не встанет на ноги. До этого момента любой шаг в сторону означал бы потерю возможности учиться вообще.

Ветерок приятно охлаждал влажную кожу. Шэнь Нянь слегка зябко сжался.

— Помнишь, я говорил, что отец полгода пропадал в Шанхае? — после долгой паузы заговорил Лян Цю. — Он запускал там проект. Теперь всё решено: проект утвердили, и лет на пять-шесть он застрянет там. У отца куча хронических болячек, мама не может оставить его одного. Но и меня бросать перед старшей школой они не хотят. Поэтому решено: я перевожусь в Шанхай. Родители, конечно, оставляют выбор за мной: если я захочу остаться, мама останется со мной и будет мотаться к отцу на выходные. Но я...

— Шанхай далеко отсюда? — прервал его Шэнь Нянь, спасая от мучительных признаний.

Лян Цю молча уставился на него. Шэнь Нянь сел и с улыбкой посмотрел на друга:

— Я никогда не уезжал далеко, но по географии помню, что даже по прямой это огромные расстояния. Сколько туда ехать? На каникулах обязательно приеду к тебе в гости! Поведёшь меня на Набережную Вайтань, покажешь телебашню «Восточная жемчужина», покатаешь на

катере по реке Хуанпу! И в самые вкусные места сходить обещал!

— Сяо Нянь, — Лян Цю с силой придавил его голову ладонью, заставляя уткнуться носом в колени. — Не хочешь улыбаться — не лыбься. Тошно смотреть.

Шэнь Няню действительно было не до смеха. Он замер в этой позе, уткнувшись в колени. А что ещё ему оставалось? Плакать и умолять: «Не уезжай»? Но ведь там его семья — тётушка Су и дядя Лян, родные люди, которые относились к Шэнь Няню как к родному. Лян Цю был его единственным другом, но разве Шэнь Нянь имел право заставлять его выбирать между родителями и собой?

Шэнь Нянь прекрасно знал цену своему «я». Он просто не имел значения.

Наконец он поднял голову, посмотрел на Лян Цю — уже без натянутой улыбки, с той самой настоящей, тихой беспомощностью:

— Лучше ты приезжай ко мне. У меня вряд ли хватит денег на поездку в Шанхай.

У Лян Цю сжалось сердце, и он ляпнул не подумав:

— А ты не хочешь поехать со мной?

Шэнь Нянь замер, с изумлением уставившись на него.

Лян Цю пояснил, перейдя на предельно серьёзный тон:

— Переводись со мной. Поехали в Шанхай вместе! Брось Шэнь Чуншаня и этого мелкого извращенца. Будешь жить у нас, запишем тебя Ляном — согласен?

Шэнь Нянь долго смотрел на него, а потом горько усмехнулся:

— Ты детство-то выключи.

— Ты зажёгся, — твёрдо сказал Лян Цю. — Ты сам этого хочешь.

Перед Лян Цю у Шэнь Няня не было тайн — за исключением истории со своим происхождением. Во всём остальном он был для друга открытой книгой. И сейчас он мог честно признать: «Да, я хочу уехать».

Но между «хочу» и «могу» лежала пропасть.

Шэнь Нянь не мог так поступить.

Он знал, что Лян Цю говорит искренне. Если он согласится, Лян Цю расшибётся в доску, но уговорит родителей принять его. Но по какому праву? По какому праву он повесит себя, чужого по крови человека, на чужую семью?

К тому же во всём нужна дистанция.

Сейчас Су Сяосяо и Лян Чуньчао добры к нему, потому что он — гость. Их забота — это воспитание и вежливость, а не обязанность. На сколько хватит этого расположения, если Шэнь Нянь станет ещё одним ртом на их содержании?

Шэнь Нянь не хотел проверять. Не хотел рушить эту сказку. Он предпочитал беречь их тепло на расстоянии.

Это была его единственная конфетка. Если беречь её и иногда лизать в горчайшие минуты жизни, её хватит навсегда. А если проглотить целиком прямо сейчас — она исчезнет в мгновение ока.

И где потом искать следующую?

К тому же он и так задолжал Шэнь Чуншаню и не знал, как расплатиться. Как он мог влезть в долги ещё и перед семьёй Лян?

Заходящее солнце окрасило горизонт в багровые тона. Шэнь Нянь поднял взгляд на закат:

— Все хотят хорошей жизни, и я не исключение. Но, Лян Цю... не всем везёт родиться на свету. Мне нужно сначала самому дойти до этого света, чтобы стоять в нём с чистой совестью.

Лян Цю смотрел, как вечернее солнце окутывает Шэнь Няня мягким янтарным сиянием — словно отдавая ему всю нежность этого мира. Но Лян Цю знал лучше других: мягкость Шэнь Няня родилась из жестокости жизни. Ему приходилось снова и снова гнуться, сглаживать углы и уступать, просто чтобы выжить.

Будь он упрямее — давно бы сломался.

Лян Цю молчал. Он понимал, что никакие слова не заставят Шэнь Няня поехать с ним. Но и бросить его одного здесь было выше его сил.

Не найдя решения сразу, Лян Цю поднялся и протянул Шэнь Няню руку:

— Я ещё подумаю, как всё уладить. Не факт, что я вообще уеду. А рассказал, просто чтобы ты был готов.

Шэнь Нянь ухватился за его ладонь, поднялся, отряхнул брюки от пыли и улыбнулся:

— Хорошо.

Шэнь Нянь не помнил, как добрался до дома. В памяти осталось только, как сел в автобус и как махал рукой Лян Цю. Сама дорога выветрилась из головы. Когда он очнулся, уже стемнело, а сам он стоял у ворот бабушки Цинь, уставившись на замок, висевший на двери уже полгода.

Бабушка Цинь уехала. Лян Цю уезжает.

Они оба начинают новую жизнь. А значит... скоро придёт и его черёд?

От этой мысли на душе стало удивительно легко.

Следующим будет он.

Услышав шаги в переулке, Шэнь Нянь повернулся и пошёл к своему дому. Калитка была закрыта. Он толкнул её и вошёл. Двор тонул в непроглядной тьме. Шэнь Нянь не придавал этому значения: последние несколько лет он постоянно возвращался в пустой, тёмный дом. Раньше пугался, жался к стенам, но со временем привык.

Страх не помогал. Никто не пришёл бы защитить маленького испуганного мальчика. Чтобы зажечь свет, нужно было идти вперёд самому.

Из-за мыслей о Лян Цю Шэнь Нянь не сразу вспомнил о Гу Чжи.

Лишь войдя во флигель и включив свет в гостиной, он увидел открытую дверь соседней комнаты и вспомнил застывший силуэт у окна.

Свет из гостиной лишь частично освещал комнату Гу Чжи, но казалось, там никого не было. Шэнь Нянь переступил порог и щёлкнул выключателем. Комната пустовала. Всё стояло на своих местах — ровно так же, как и в день его ухода.

Шэнь Нянь глянул на часы: ещё не было и восьми. Он решил, что Гу Чжи просто пошёл погулять, и выключил свет.

Есть не хотелось. Потный после баскетбола, он принял душ и сразу лёг спать. Проснувшись на следующее утро, он осознал, что ночью во дворе не прозвучало ни звука.

Гу Чжи не ночевал дома?

Шэнь Нянь поднялся и пошёл в его комнату. Дверь всё так же стояла настежь, внутри было пусто, а на заправленной кровати не виднелось ни единой складочки.

Гу Чжи действительно не вернулся.

Весь этот день Шэнь Нянь прождал его, но парня так и не было. И тут до Шэнь Няня дошло. Он зашёл в комнату Гу Чжи и на столе увидел разрезанную на мелкие кусочки банковскую карту, оставленную отцом. Одежда в шкафу осталась на месте — всё, что покупал Шэнь Чуншань. Зато исчез тот единственный чемодан, с которым Гу Чжи когда-то переступил порог этого дома.

Гу Чжи ушёл. Бросил этот дом и больше не собирался возвращаться.

<http://bllate.org/book/20601/2134921>